ISSN 1998-5320 (Print)
ISSN 12587-943X (Online)
Наука о человеке: гуманитарные исследования Т. 16 ▪ № 2 ▪ 2022
Филологические науки

УДК 821.161.1
DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.2.7
Научная статья

И. О. Приходченко[1, 2]
pisosenko@mail.ru
[1]Высший колледж им. Мусахана Канапьянова Павлодарского педагогического университета, г. Павлодар, Республика Казахстан
[2]Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация

Оппозиции в локальном тексте художественной прозы Павлодара (на материале павлодарской мемуарной литературы 1930-х годов)

Аннотация: Статья посвящена ментальным оппозициям в художественном локальном тексте Павлодара 1930-х гг. В качестве материалов исследования использованы мемуары Абрама Вениаминовича Миля и Геннадия Арсеньевича Бешкарева, проживавших в Павлодаре в конце 1920 — первой половине 1930-х гг. В статье основное внимание уделено реализации оппозиции «провинция — столица» в мемуарах и особенностям воплощения образа Павлодара в сознании авторов, не являющихся коренными павлодарцами. В результате мотивного, ассоциативного и сравнительно-сопоставительного анализа можно сделать вывод, что у обоих авторов Павлодар первой трети XX в. предстает типично провинциальным городом: небольшим, отсталым, малопригодным для цивилизованной жизни. Хронотоп Павлодара в мемуарной прозе названных авторов сходен с хронотопом провинциального городка у Бахтина: время в таком пространстве течет медленно, оно словно густеет и застревает, ход истории здесь не ощутим. Совпадая в наборе ведущих черт павлодарской провинциальности, авторы различны в их оценке: Миль воспринимает Павлодар как отдаленный уголок среднеазиатской колонии дореволюционной России, Бешкарев видит в Павлодаре молодой подающий надежды советский город, нуждающийся в культурном развитии.

Ключевые слова: локальный текст, мемуары, Павлодар, менталитет, оппозиции, провинция.

Дата поступления статьи: 23 марта 2022 г.

Для цитирования: Приходченко И. О. (2022). Оппозиции в локальном тексте художественной прозы Павлодара (на материале павлодарской мемуарной литературы 1930-х годов). Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 16, № 2, с. 60–69. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.2.7.

Scientific article

I. O. Prihodchenko[1, 2]
pisosenko@mail.ru
[1]Musakhan Kanapyanov Higher College of the Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan
[2]FDostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Local text oppositions in the literary prose of Pavlodar (based on the material of the Pavlodar memoir literature of the 1930s)

Abstract: This article is devoted to mental oppositions in the local literary text of Pavlodar of the 1930s. The memoirs of Abram Veniaminovich Mil and Gennady Arsenyevich Beshkarev, who lived in Pavlodar in the late 1920s and the first half of the 1930s, were used as research materials. The article focuses on the implementation of the opposition "province vs capital" in memoirs and the peculiarities of the embodiment of Pavlodar image in the minds of authors though they were not Pavlodar born and bred residents. As a result of motivational, associative and comparative analysis, it can be concluded that for both authors Pavlodar of the first third of the 20th century appeared to be a typically provincial city i.e. small, backward and unsuitable for civilized life. The chronotope of Pavlodar in the memoir prose of these authors is similar to the chronotope of a provincial town given by Bakhtin: time flows slowly in such a space, it seems to thicken and get stuck, the course of history is not noticeable here. Coinciding in the set of leading features of Pavlodar provinciality, the authors differed in their assessment: Mil perceived Pavlodar as a remote corner of the Central Asian colony of pre-revolutionary Russia; Beshkarev saw Pavlodar as a young up-and-coming Soviet city requiring cultural development.

Keywords: local text, memoirs, Pavlodar, mentality, opposition, province.

Paper submitted: March 23, 2022.

For citation: Prihodchenko I. O. (2022). Local text oppositions in the literary prose of Pavlodar (based on the material of the Pavlodar memoir literature of the 1930s). Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 16, no. 2, pp. 60–69. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2022.16.2.7.

© И. О. Приходченко, 2022

Введение

В эпоху глобализации вопрос национальной самоидентификации, выстраивания общеэтнического образа «я» становится одинаково насущным для каждого народа. Одним из ключевых понятий в этом вопросе является понятие менталитета, сравнительно недавно вошедшее в научный оборот и сегодня широко использующееся в философской и культурологической литературе. По словам В. Г. Артемовой и Я. В. Филипповой, оно «необходимо для выяснения ментальной настроенности разных эпох, разных народов, разных социальных групп» (Артемова, Филиппова, 2008, с. 2).

Согласно «Современному философскому словарю», под менталитетом следует понимать «устойчивый способ специфического мировосприятия, характерный для больших групп людей (этносов, наций или социальных слоев), обуславливающий специфику способов их реагирования на феномены окружающей действительности» (Андрианов, 1998). Нельзя не отметить, что менталитет «представляет собой не только самоидентификацию, т.е. отнесение себя к той или иной национальности или общности, но и определенные знания о своем народе (группе), его характерных чертах, культуре, языке, территории проживания, истории» (Андрианов, 1998).

Менталитет любого народа имеет в своей основе ряд стереотипов. Будучи крайне устойчивой когнитивной структурой, стереотип опирается на группу базовых оппозиций, нередко эмоционально и оценочно окрашенных. Так, В. Г. Артемова и Я. В. Филиппова отмечают, что ментальность как таковая позволяет «обнаружить оппозиции природного и культурного, эмоционального и рационального, индивидуального и коллективного» (Артемова, Филиппова, 2008, с. 2).

Опираясь на данное определение, мы поставили перед собой цель на примере русскоязычной прозы Павлодара 1930-х гг. рассмотреть оппозиции, явленные в художественном сознании русскоязычных авторов, а именно проанализировать мемуары Геннадия Арсеньевича Бешкарева и Абрама Вениаминовича Миля. По стечению обстоятельств на некоторое время их жизни оказались связаны с провинциальным сибирским городком на северной окраине нынешнего Казахстана; в уникальных воспоминаниях они запечатлели образ довоенного Павлодара. Примечательно, что в мемуарах также отразились особенности менталитета человека советской эпохи, оказавшегося в непривычной ему культурно-бытовой и природной обстановке.

Представленное здесь исследование является одним из первых шагов к целостному рассмотрению художественного локального текста Павлодара в литературе. Решение ряда исследовательских задач позволит в будущем судить в целом об особенностях локальных текстов, представленных в прозе Г. А. Бешкарева и А. В. Миля, и в итоге создать сводный образ локального текста Павлодара в русскоязычной литературе Павлодарского Прииртышья. Следует отметить, что изучение локального текста является одним из перспективных направлений современного литературоведения; фундаментальные труды на эту тему в рамках русской литературы принадлежат Н. П. Анциферову (Анциферов, 1922), Ю. М. Лотману (Лотман, 2000), В. Н. Топорову (Топоров, 1995), изучению локального текста провинциального города посвящали исследования В. В. Абашев (Абашев, 2000), Н. Ю. Деткова (Деткова, 2009), Н. В. Осипова (Осипова, 2021), И. С. Абрамовская (Абрамовская, 2021), Ж. А. Баянбаева (Баянбаева, 2016), И. В. Мотеюнайте (Мотеюнайте, 2012), Н. Е. Меднис (Меднис, 2003), Е. В. Милюкова (Милюкова, 2000), И. А. Разумова (Разумова, 2000), А. Н. Давыдов (Давыдов, 1988).

В рамках данной статьи особую важность имеют типичные для менталитета как такового оппозиции пространственно-политического характера: столица / провинция, центр / периферия, метрополия / колония. Их реализация в художественной картине мира рассмотрена на примере мемуарной прозы русскоязычных авторов Павлодара 1930-х гг. через их рецепцию города на Иртыше.

Методы

Выбор именно такого литературного материала для анализа не случаен. В отличие от русскоязычной поэзии Павлодара 30-х гг. XX в., ярко представленной в первую очередь творчеством Павла Васильева, павлодарская проза 30-х на русском языке до недавнего времени считалась отсутствующей. Известный павлодарский литературовед профессор Н. Г. Шафер обозначает этот этап развития павлодарской русскоязычной литературы как «белое пятно» (Приходченко, 2017, с. 124).

Обнаружение и опубликование «Павлодарских былей» Г. А. Бешкарева (Бешкарев, 2013) позволило заполнить это зияние и включить данный текст в литературную карту Павлодарского Прииртышья. В одном ряду с его воспоминаниями о довоенном Павлодаре стоят мало известные павлодарскому читателю мемуары Абрама Миля «Люди и судьбы. Воспоминания» (Миль, 2011). А. В. Миль еще ребенком в начале 1930-х гг. прибыл в Павлодар с родителями и запечатлел образ города на страницах своих сочинений с непосредственностью детских впечатлений.

Из семантического поля ментальных оппозиций столица / провинция, центр / периферия, метрополия / колония Павлодару более всего свойственен концепт границы. Зародившись в начале XVIII в. как военный форпост петровской экспедиции в глубины Азии и включенный в Иртышскую линию укреплений, Павлодар всегда находился на границе, причем пограничность, лиминальность его положения и состояния, выражающаяся в имплицитном сочетании противоположностей, поныне проявляет себя в разных измерениях городского бытия.

Самое стабильное и, вероятно, заметное из указанного выше — это противоположность и сочетание европейского и азиатского. Основанный русскими войсками как небольшой острог, он первое время был осаждаем местными тюркскими племенами. Основанный как часть Иртышской линии, он, с одной стороны, должен был защищать сибирские города на севере от набегов степняков, с другой стороны, служил площадкой для присутствия русских войск в казахской степи для быстрого подавления тех же степняков при возникновении такой необходимости. Указанное сочетание противоположностей не теряет своей актуальности и в современности: основанный русскими почти на месте средневековой столицы Кимакского каганата Павлодар на сегодняшний день является одним из самых «русских» областных центров на территории суверенного Казахстана, как и прежде, являясь приграничным городом, что накладывает на него отпечаток «междустранья» или «двоеграничья» — он казахстанский, но он же и русский (но отнюдь не российский), он степной, но он же сибирский.

Пограничность между европейским и азиатским не единственная из свойственных Павлодару пограничностей. Выше Павлодар был назван степным, но лишь в том значении, в каком под степью понимают колыбель кочевого казахского народа. В собственно географическом отношении Павлодар также занимает лиминальное (или даже маргинальное, но отнюдь не исключительно «степное») положение, находясь, с одной стороны, на границе Западной Сибири, традиционно ассоциирующейся с русской дремучей тайгой, и Сарыарки, традиционной ассоциирующейся с бескрайними казахскими просторами, а с другой стороны, на границе сухой жаркой безлесой степи и напоенной прохладной влагой лесистой поймой Иртыша.

В плане пространственного расположения безотносительно политических и культурных границ Павлодар также занимает пограничное положение, находясь на высоком берегу реки, над низкой, широко заливаемой каждый год паводком поймой. В этом отношении примечательно, что, несмотря на долгосрочные градостроительные планы, Павлодар, в отличие от других городов на Иртыше, остается городом, расположенным лишь на одном берегу — левый берег Иртыша дик и не застроен,— что ассоциируется с противостоянием человеческого, культурного, и природного, дикого, в чем звучат отголоски древних представлений об «ином мире» по ту сторону реки, за границей освоенного человеком мира.

Все эти оппозиции в большей или меньшей степени проявились в русскоязычной мемуарной прозе Павлодара 1930-х гг. Анализ воспоминаний Г. А. Бешкарева и Миля интересен, помимо прочего, еще и тем, что оба автора являются приезжими и смотрят на Павлодар незамыленным взглядом иногороднего человека. Примечательно, что в транслируемых их прозой образах Павлодара реализуются названные выше оппозиции «центр-периферия», «столица-провинция». И для Г. А. Бешкарева, и для А. В. Миля Павлодар — это периферия и провинция, но для каждого по-своему. В сходстве и разности их взглядов видится возможным обнаружить важные черты локального текста Павлодара указанной исторической эпохи. Примечательно, что оппозиции в русском менталитете павлодарских мемуаристов реализованы в тексте в виде частных противопоставлений, выраженных в образах-персонажах и образах-пейзажах.

Результаты

Нельзя не заметить принципиальной разницы в отношении Г. А. Бешкарева и А. В. Миля к пограничности Павлодара, его удаленности от центра. У Г. А. Бешкарева Павлодар — один из множества городов советской страны без ярко выраженного в авторском сознании центра и периферии; оппозиция «метрополия—колония» вовсе отсутствует в его прозе. У А. В. Миля, наоборот, оппозиция «метрополия—колония» явлена в тексте эксплицитно. Он прямо называет Павлодарскую область «азиатской колонией»: «...я был перенесен в сонный мир <...> далекой азиатской колонии, каким был в те времена северо-восточный Казахстан» (Миль, 2011),— указывая на крайнюю территориальную удаленность от столицы и социально-бытовую отсталость образа жизни горожан, о чем более подробно будет сказано далее.

В отношении оппозиции «метрополия — колония» обращает на себя внимание и слово, употребляемое А. В. Милем в отношении казахов — «аборигены»: «Аборигены — казахи — вели кочевой образ жизни...» (Миль, 2011). Так назвать местных жителей может лишь человек, считающий себя представителем титульной нации, который из метрополии приехал в колонию. Подтверждается это следующей цитатой: «Как во всяком провинциальном городе России...» (Миль, 2011). В ней явственно ощущается отношение к Павлодару не как к провинциальному городу Советского Союза, а как к провинциальному городу *дореволюционной* России, как к имперской колонии.Примечательно, что и у Г. А. Бешкарева, и у А. В. Миля провинциальному, отсталому и удаленному от цивилизации Павлодару противопоставлен Ленинград. У Миля читаем: «Из уклада динамичной жизни третьего десятилетия XX века большого европейского города, каким всегда являлся Ленинград, я был перенесен в сонный мир...» (Миль, 2011). У Г. А. Бешкарева это противопоставление не настолько явное, чтобы было возможно привести конкретную цитату из текста; оппозиция «столица — провинция», реализующаяся в мемуарах в противопоставлении «Ленинград — Павлодар», явлена у Г. А. Бешкарева имплицитно, проявляясь в рамках любовной линии сюжета его прозы, о чем речь пойдет ниже.

Для А. В. Миля приезд в Павлодар становится путешествием в прошлое: «Для меня поезд, отошедший от перрона Ленинградского вокзала на восток, оказался машиной времени, которая унесла меня в прошлое» (Миль, 2011). Этот поезд автор иронически называет «машиной времени», которая унесла его вместо будущего в «сонный мир конца XIX — начала XX века» (Миль, 2011). Павлодар А. В. Миля — сонный провинциальный городок, в котором время почти остановилось и перемены не происходят, как будто волны исторического развития не докатываются до столь отдаленных уголков страны. В мемуарах А. В. Миля Павлодар наделен всеми чертами, свойственными провинциальному городу в русской литературе, так как «характерные черты провинциальной жизни — размеренный уклад, приверженность традициям, скука, медлительность, скудость внешних впечатлений, но, наряду с этим, нравственная чистота и неиспорченность, глубина и насыщенность внутренней, духовной жизни...» (Шутая, 2015).

Павлодар Г. А. Бешкарева — это, на первый взгляд, город в переломный момент своей истории. Мемуарист застает Павлодар в лиминальный момент развития: «В Павлодаре побывал я впервые осенью 1937 года» (Бешкарев, 2013, с. 228). Как известно, в 1938 г. была образована Павлодарская область. Формально Павлодар превращался в новую административную единицу, из заштатного городка трансформировался в областной центр. На этом фоне для Г. А. Бешкарева резче проступают черты всего провинциального, отсталого в городе, история которого на тот момент уже насчитывала более двухсот лет, но так и не имела ничего действительно исторического. В этом отношении примечательным видится упоминание автором беседы с одним из павлодарцев во время первого посещения города: «Наша область пока еще в стадии организации,— пояснил он» (Бешкарев, 2013, с. 228).

Приехавший в Павлодар Г. А. Бешкарев, будучи «своим» советским человеком, оказывается здесь «чужим»: не местному, приезжему, ему бросается в глаза как все типичное, наиболее свойственное, так и все уникальное, выбивающееся из привычного хода вещей или не укладывающееся в рамки нормального и правильного, должного.

Пограничность Павлодара в мемуарной прозе 1930-х гг. обнаруживается и в образах-пейзажах. Так, оппозиция речного и степного реализуется в кратких пейзажных зарисовках: «Ранний июнь-

ский рассвет уже высветил кромку горизонта, когда мы подошли, наконец, к дому, где она жила. Город еще спал, и только листья тополей и черемух начинали временами шелестеть, словно о чем-то друг с другом переговариваясь. *Это горячий воздух близких степей, встречаясь с речной прохладой, рождал легкие дуновения ветерка»* (Бешкарев, 2013, с. 232; здесь и далее курсив наш.— И. П.). Приведенная цитата иллюстрирует высказанную выше мысль о пограничном положении Павлодара между речной поймой и степным простором.

Другая черта пограничности образа Павлодара в мемуарах, реализующаяся в образах-пейзажах,— это архетипический мотив края мира, который, согласно мифологическим представлениям многих народов, характеризуется дисгармонией, выраженной в экстремальных (в т.ч. климатических) условиях и многочисленных катаклизмах, в отличие от гармоничного и стабильного центра мира. У А. В. Миля в одном из первых абзацев, посвященных Павлодару, читаем: «Ветры в Павлодаре дули, практически, постоянно. Исключение составляли зимние, морозные дни, когда столбик термометра опускался до -35^0 — -40^0 С. Тогда наступал полный штиль и дымы из печных труб поднимались вертикальными столбами» (Миль, 2011). Там же находим фразы «жарким летом» (Миль, 2011), «изнуряющий зной» (Миль, 2011). В глазах А. В. Миля Павлодарское Прииртышье наделено признаками мифологической границы мира, а именно экстремально-противоположными погодными условиями (сильный ветер — полный штиль, изнурительная жара — ужасный холод).

Провинциальность Павлодара в мемуарах Г. А. Бешкарева проявляется в социальной сфере и обозначена оборотом «провинциальная манерность», крайне важным в исследовании локального текста города, хотя и употребленным только по отношению к молодой павлодарской моднице, пришедшей вместе с подругой послушать популярную тогда гавайскую гитару. Вот как описывает ее автор, еще не употребляя ключевую характеристику павлодарцев в ее адрес: «Обе гостьи оказались бухгалтерами небольших учреждений, но я безошибочно определил, что одна из них — Люба — к музыке абсолютно равнодушна, и пришла лишь из чувства солидарности с подругой. Она была хорошо сложена и со вкусом одета, но весь ее облик показался мне неестественно вычурным. Такие русокудрые голубоглазые женские лица встречались на старинных пасхальных открытках с той лишь разницей, что вместо медоточивой улыбки в лице Любы проглядывало что-то недоверчивое и злое. Это бросалось в глаза. Портила ее и заметная хромота,— в детстве она сломала ногу, та плохо срослась и стала на несколько миллиметров короче» (Бешкарев, 2013, с. 231).

Эпизод посещения подругами молодого гитариста Г. А. Бешкарева построен на противопоставлении двух девушек: Ольги, возлюбленной автора в будущем развитии событий мемуаров, и Любы. В названном эпизоде обращает на себя внимание тот факт, что Ольга является политической ссыльной, прибывшей в Павлодар из Ленинграда — и потому разительно (по мнению мемуариста) отличается от своей (местной, павлодарской) приятельницы: будущая жена Г. А. Бешкарева «являла собой полную противоположность своей подруги» (Бешкарев, 2013, с. 231). Ольга нарисована автором в совершенно других, нежели Люба, тонах: «Гладко зачесанные и схваченные сзади в пучок русые, с золотым отливом, волосы ее не знали завивки. На лице ни следа косметики, да и одета она была просто,— черная в талию юбка и легкая белая блузка без всяких украшений и вышивки. Рядом с крепдешиновым платьем, модными туфлями и накрашенными губами Любы Ольга выглядела королевой» (Бешкарев, 2013, с. 231). Как и в случае с Любой, вслед за портретным описанием человека следует характеристика его внутренних качеств: «В открытом взгляде голубых, как июньское небо, глаз играли солнечные блики острого ума, доброты и сердечности» (Бешкарев, 2013, с. 231).

Как уже было сказано, характеристика личности, которой наделяет автор Любу, имеет для нашего исследования принципиальное значение: говоря об Ольге, он пишет, что «какая-то особая грациозная естественность резко контрастировали *с провинциальной манерностью ее подруги»* (Бешкарев, 2013, с. 231). Это качество — провинциальная манерность — обнаруживается и у других персонажей-павлодарцев, что позволяет говорить о реализации провинциальности как важной черты образа Павлодара в ментальной оппозиции «провинциальная манерность — столичная непринужденность», например, у некоторых сотрудников местной газеты, речь о которых пойдет ниже.

На первый взгляд, в отличие от Г. А. Бешкарева, А. В. Миль с первых же слов обращает внимание на провинциальность Павлодара в бытовом и градостроительном отношении: «...печи топились дровами и кизяком, помещения освещались керосиновыми лампами, единственным видом транспорта была лошадь. Разнообразие в транспортных средствах представлял лишь двугорбый верблюд» (Миль, 2011). В обобщенном описании Павлодара, которое дает Миль в одном из первых абзацев мемуаров о городе, явно ощутим пренебрежительно-высокомерный тон столичного жителя: «Павлодар в те годы представлял собой поселение на сорок тысяч жителей, протянувшееся вдоль высокого берега Иртыша. Прямые улицы были застроены деревянными домишками. Лишь вдоль двух–трех центральных улиц стояли двухэтажные каменные строения, да имелись тротуары. Проезжая часть всех улиц, включая центральные, не была замощена, люди и лошади брели по ним, увязая по щиколотку в мелком сыпучем песке. При малейшем дуновении ветра песок летел, забивая глаза, рот, уши, попадая под одежду, в обувь. А если ветер усиливался, то песок еще и больно сек кожу лица и рук» (Миль, 2011). На подобное отношение к месту прибытия указывают деминутивы («домишки»), синонимические замены («поселение» вместо «город», «брели» вместо «шли»), усилительные частицы со значением ограничения («*лишь* вдоль двух–трех центральных улиц»).

Но далее становится ясно, что главное для А. В. Миля, как и для Г. А. Бешкарева,— это провинциальность нравов и обычаев: «Но дело было не в технических приметах времени. Главное отличие заключалось в стиле человеческих отношений, образе жизни и строе мышления людей, круге их интересов» (Миль, 2011). Впрочем, в отличие от Г. А. Бешкарева, А. В. Миль принципиально поиному оценивает провинциальность павлодарских нравов: «Став взрослее, я смог сопоставить описания жизни русской провинции XIX века с увиденным мною в 1929 году в Павлодаре, и понять, что “машина времени” совершила чудо: я получил возможность прожить не один год в прошлом веке, *ощутить его аромат, прелесть неспешного хода времени* и, благодаря этому, получить воспитание и домашнее образование более характерное для детей прошлых поколений» (Миль, 2011). Впрочем, первое впечатление, сложившееся у А. В. Миля и его семьи от знакомства с Павлодаром, мемуарист выражает тремя ключевыми характеристиками города, свойственными локальному тексту Павлодара: «Но все это мы ощутили позднее. А пока нас подавлял *изнуряющий зной, дикость нравов и сонное существование*» (Миль, 2011). Обживаясь в Павлодаре и знакомясь с павлодарцами лучше, А. В. Миль будет менять свое отношение к городу и горожанам.

Возникает образно-оценочная пропорция: у Г. А. Бешкарева мы отмечаем имплицитно негативный образ нравов павлодарцев («провинциальная манерность») и не находим акцента на бытовых проблемах, а у А. В. Миля, наоборот, обнаруживаем в целом положительную оценку провинциального образа мышления павлодарцев и повсеместную негативную оценку бытовых условий. Эта разность во взглядах на город в пределах одного и того же десятилетия в большей или меньшей степени свойственна прозе рассматриваемых авторов в целом.

Несомненно, в некоторых аспектах описания города авторы совпадают. Павлодар Г. А. Бешкарева, как и Павлодар А. В. Миля, предстает перед читателем годом-отшибом, реализуя, как было сказано выше, архетип края мира, воплощенный в хронотопе провинциального городка. Павлодарцам противопоставлено не павлодарское население города, представленное ссыльными, что по своей и не по своей воле бежали из центров советской цивилизации на ее периферию. Примечательно, что на ссыльных, которые в 1930-е составляли четверть населения Павлодара («Видно, в Павлодаре вы совсем недавно, раз до сих пор не знаете, что четверть населения этого города составляют политические ссыльные из Ленинграда и Москвы» (Бешкарев, 2013, с. 232) — так говорила на первом свидании с Бешкаревым его супруга Ольга), А. В. Миль смотрит «снаружи», а Г. А. Бешкарев — «изнутри»: сойдясь со ссыльной, он сам постепенно все больше подвергается репрессивным мерам со стороны городской администрации, разделяя тяготы жизни ссыльных и живо рисуя условия их пребывания в Павлодаре.

Провинциальность Павлодара в мемуарах Г. А. Бешкарева сочетает в себе разнообразно реализующиеся мотивы юности и неразвитости. Преимущественно подобный образ города складывается из фактов, касающихся культурной жизни. Так, Г. А. Бешкареву, ожидающему направления на работу,

сообщают: «Русского театра у нас нет...» (Бешкарев, 2013, с. 240). Ссыльные артисты в письме НКВД прямо называют Павлодарскую область «молодой»: «...принесли бы неизмеримо большую пользу молодой области...» (Бешкарев, 2013, с. 244).

Один из первых фактов о Павлодаре, который узнает герой бешкаревских мемуаров,— отсутствие налаженной работы культурного сектора. Рассказывая о «молодой области» (Бешкарев, 2013, с. 229), автор сообщает читателю: «...за неимением специалиста с театральным образованием начальником облотдела стал пока по совместительству заведующий ОблОНО» (Бешкарев, 2013, с. 228). Личное знакомство с представителем культуры от власти оставляет у героя негативное впечатление о городе: «Заведующий павлодарским ОблОНО <...> в вопросах искусства разбирался не лучше, чем я в высшей математике» (Бешкарев, 2013, с. 229). Ситуация в городе ничем в лучшую сторону не отличается от ситуации в области: «Работу я начал ознакомлением с постановкой культурно-просветительской работы в районах <...> Разослав письма с вопросами о состоянии художественной самодеятельности <...> убедиться, что этот участок работы находится здесь в зачаточном состоянии» (Бешкарев, 2013, с. 229).

Архитектурный облик Павлодара также характеризуется как провинциальный, на что указывает лишь одна запоминающаяся архитектурная примета. Г. А. Бешкарев пишет о мечети постройки начала XX в.: «Мечеть эта была, пожалуй, самым величественным зданием тогдашнего Павлодара...» (Бешкарев, 2013, с. 230). Самое величественное здание — небольшая мечеть, и ничего более.

Жанр мемуаров предполагает свободное включение в текст информации самого разного рода («Вскоре, после многолетнего запрета, пришла директива о разрешении западно-европейских танцев, я получил задание организовать в городе школу этих танцев» (Бешкарев, 2013, с. 230), в т.ч. комического: автор пересказывает анекдот, «будто снятие запрета стало следствием казуса, происшедшего с наркомом обороны Ворошиловым на приеме в одной из европейских стран...». Суть казуса: одна из дам, бывших на приеме, пригласила наркома составить ей пару в танце, и К. Е. Ворошилову пришлось признаться, что он не умеет танцевать. Сам по себе этот анекдот не имеет значения в рамках нашего исследования — особое внимание на себя обращает следующее предложение: «Пришлось мне пригласить из Омска преподавателя и аккомпаниатора для организации такой школы и в Павлодаре» (Бешкарев, 2013, с. 230). В указанной цитате примечательно следующее: в мемуарах Г. А. Бешкарева обнаруживаются связи Павлодара именно с сибирскими городами: Новосибирском и Омском,— что наталкивает на предположение о примате «сибирского» начала в семантике города, нежели «степного». «Сибирское» начало в семантике Павлодара подкрепляется имплицитно присутствующим в большинстве произведений, где так или иначе фигурирует Павлодар, уже указанным перифразом «город на Иртыше»: Иртыш воспринимается в первую очередь как сибирская река. Прочие подтверждения данному предположению еще предстоит обнаружить в последующих исследованиях текстов павлодарского происхождения на русском языке.

Одна из черт молодости и неразвитости Павлодара времен Г. А. Бешкарева как его провинциальности — это маломасштабность учреждений. Как пример можно привести состояние образования в городе: «...в те дни я сидел над статьей о работе комсомольской организации техникума мясомолочной промышленности — *единственного* среднего специального учебного заведения тогдашнего Павлодара» (Бешкарев, 2013, с. 243).

Не менее показательны в этом отношении воспоминания мемуариста об областной газете: «Редакция двух областных газет на казахском и русском языках помещалась в большом одно этажном доме» (Бешкарев, 2013, с. 240). Мемуарист подчеркивает малочисленность сотрудников редакции: «Кроме редактора Ряднина, его заместителя Мельника и ответсекретаря Карандашова в русской редакции в те дни трудились всего три литсотрудника» (Бешкарев, 2013, с. 240).

Из воспоминаний о работе Г. А. Бешкарева в павлодарской газете становится известна другая черта местной провинциальности: ценные кадры в Павлодаре 1930-х гг.— редкость. Начальник Г. А. Бешкарева сетует по этому поводу: «Стоит появиться у нас хорошему работнику, как его тотчас забирают наверх, будто сами мы в нем не нуждаемся, или печем их, как блины на сковородке» (Бешкарев, 2013, с. 243).

Самые амбициозные и способные всегда стремились покинуть Павлодар как место, несовместимое с понятиями личностного и карьерного роста. Так, Г. А. Бешкарев соглашается на перевод в столицу: «Как бы вы отнеслись к вашему переводу в Алма-Ату? <...> я дал согласие на перевод...» (Бешкарев, 2013, с. 240).

Обращает на себя внимание более подробное, по сравнению с прочими, портретное описание литсотрудника Маслова: «Имени его я не помню. Ведал он отделом информации и писем, ходил с солидной тростью, сильно хромал, носил черный костюм, такую же шляпу, именовал себя «ученым секретарем» общества краеведов и держался с большим апломбом. Он тоже пытался писать рассказы — два из них были напечатаны в журнале, но ему явно недоставало таланта» (Бешкарев, 2013, с. 240). Этот персонаж, как и рассмотренная выше подруга Ольги, демонстрирует собой (и внешним видом, и поведением) пример типичной для бешкаревского Павлодара провинциальной манерности. Примечательно, что о другом коллеге Г. А. Бешкарев рассказывает намного меньше: «Сергей Анисимов — начинающий писатель — отвечал за промышленный отдел <...> Рассказы его печатались в республиканском литературно-художественном журнале, и ему прочили большое будущее» (Бешкарев, 2013, с. 240). Провинциальная манерность как типичная черта Павлодара обращает на себя ощутимо большее внимание мемуариста, нежели другие черты горожан.

Выводы

В свете всего изложенного выше можно сделать вывод, что русский менталитет в мемуарной прозе Павлодара 1930-х гг. представлен оппозициями «столица — провинция», «центр — периферия», «метрополия — колония», которые имеют такие частные реализации, как «европейское — азиатское», «советское — российское», «Сибирь — Сарыарка», «речное — степное», «провинциальная манерность — столичная непринужденность», «советский человек — ссыльный человек», «павлодарец — не павлодарец».

Образ Павлодара в мемуарной прозе 1930-х гг., созданный Г. А. Бешкаревым и А. В. Милем, противоречив: авторы совпадают в выделении ключевых характеристик города (провинциальность и периферийность), но различны в их оценке. У Г. А. Бешкарева провинциальность Павлодара связана с ненатуральностью, позерством, которое он обозначает словом «манерность». Для А. В. Миля павлодарская провинциальность становится характеристикой принадлежности города минувшей эпохе, дореволюционной России, что оценивается автором положительно. Для А. В. Миля Павлодар — пример провинциальной азиатской колонии, что указывает на дореволюционную, монархическую картину мира автора и внутреннее неприятие советской власти. Г. А. Бекашкарев в итоге выпавших в Павлодаре на его долю злоключений также становится злостным антисоветчиком, но на страницах его мемуаров Павлодар тем не менее нарисован хоть и заштатным, но советским городом, который он определяет, в отличие от А. В. Миля, эпитетом «молодой» («молодая область»). Едины мемуаристы в описании Павлодара как «города-тюрьмы», места ссылки политических репрессантов, отличаясь «точками наблюдения» за ними: если А. В. Миль наблюдает за ссыльными со стороны, не будучи к ним причастным, то Г. А. Бешкарев, из-за проблем с местными властями постепенно сливаясь с осужденными, изображает жизнь павлодарских ссыльных как будто изнутри. Едины мемуаристы также и в сострадании к ним, хотя сострадание Г. А. Бешкарева, в отличие от созерцательного сострадания А. В. Миля, оказывается более деятельным и эффективным.

Не будучи уроженцами Павлодара, отнюдь не проведя в Павлодаре большую часть жизни, и А. В. Миль, и Г. А. Бешкарев внесли важный вклад в развитие русской литературы Казахстана, несмотря на то, что их мемуары только сейчас становятся предметом литературоведческих исследований. Русская литература Казахстана — развивающийся и разнообразно представленный, но малоизученный сегмент современной русской филологии, русская литература павлодарского Прииртышья — вовсе не изученный ее сегмент. История русской литературы павлодарского Прииртышья, насчитывающая около ста лет развития, до сих пор не написана. Опыты анализа, подобные представленному, явятся посильным вкладом в будущие фундаментальные исследования в указанной области гуманитарного знания.

Источники

Абашев В. В. (2000) Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, Изд-во Пермского университета, 404 с.
Абрамовская И. С. (2010) Проблема «локального текста» в русской литературе XIX века (на материале Новгородского текста). Записки филиала РГГУ в г. Великий Новгород, № 8, с. 218–225.
Андрианов В. М. (1998) Менталитет [Электронный ресурс]. М., Панпринт. URL: https://encyclopedia_philosophy.academic.ru/209/МЕНТАЛИТЕТ
Анциферов Н. П. (1922) Душа Петербурга. Петербург, Брокгауз—Ефрон, 228 с.
Артемова В. Г., Филиппова Я. В. (2008) Ментальность русского народа: традиции и эволюция. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки, № 2, с. 1–12.
Баянбаева Ж. А. (2016) Локальный текст и его функции (на примере Алма-Атинского локального текста). Вестник РУДН. Сер. Литературоведение, журналистика, № 2, с. 77–84.
Бешкарев Г. А. (2013) Павлодарские были (Записки о Павлодаре). Павлодар литературный. Сост. С. Ф. Нуркенова, Л. Е. Токатова. Под ред. Н. Г. Шафера. Павлодар, с. 228–265.
Давыдов А. Н. (1988) Архангельск: семантика городской среды в свете этнографии международного морского порта. В кн.: Культура русского севера. Ленинград, с. 86–99.
Деткова Н. Ю. (2009) Малый провинциальный город как текст культуры. Вестник Челябинского государственного университета, № 18, с. 63–69.
Лотман Ю. М. (2000) Семиосфера. СПб., Искусство—СПб., 704 с.
Мотеюнайте И. В. (2012) Псков и другие: мини-цикл А. Н. Яхонтова «Наши города». Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки, № 1, с. 27–35.
Меднис Н. Е. (2003) Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, Изд-во НГПУ, 170 с.
Миль А. В. (2011) Люди и судьбы. Воспоминания [Электронный ресурс]. Еврейская старина, № 4. URL: https://berkovich-zametki.com/2011/Starina/Nomer4/Mil1.php#Часть%20вторая
Милюкова Е. В. (2000) Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы. в КН.: Русская провинция: миф - текст - реальность. М., СПб., с. 347–361.
Приходченко И. О. (2017) Г. А. Бешкарев: "белое пятно" в истории русской литературы Павлодарского Прииртышья. Книга. Время. Общество. Материалы V международной научно-практической конференции. Павлодар, Изд-во ПГПИ, с. 124–129.
Осипова Н. В. Вятский провинциальный текст в культурном контексте. URL: http://www.studnauka.narod.ru/nvo.html
Разумова И. А. (2000) «...Как близко от Петербурга, но как далеко» (Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX-XX вв.). В кн.: Русская провинция: миф – текст – реальность. М., СПб., с. 324–334
Топоров В. Н. (1995) Петербургские тексты и Петербургские мифы. В кн. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., с. 227
Шутая Н. К. (2015) К вопросу об оппозиции столицы и провинции в топологической системе русского романа. Мир науки. № 1. URL: http://mir-nauki.com/PDF/22FILMN115.pdf

References

Abashev V. V. (2000) Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the XX century]. Perm, Perm University Publ., 404 p.
Abramovskaya I. S. (2010) Problema «lokal'nogo teksta» v russkoy literature XIX veka (na materiale Novgorodskogo teksta) [The problem of “local text” in Russian literature of the 19th century (based on the Novgorod text)]. Zapiski filiala RGGU v g. Velikiy Novgorod – Notes of the branch of the Russian State Humanitarian University in Veliky Novgorod, no. 8, pp. 218–225.
Andrianov V. M. (1998) Mentalitet [Mentality]. M., Panprint. URL: https://encyclopedia_philosophy.academic.ru/209/MENTALITY
Antsiferov N. P. (1922) Dusha Peterburga [Soul of St. Petersburg]. Petersburg, Brockhaus-Efron Publ., 228 p.
Artemova V. G., Filippova Y. V. (2008) Mental'nost' russkogo naroda: traditsii i evolyutsiya [The mentality of the Russian people: traditions and evolution]. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod Ser. Social Sciences, no. 2, pp. 1–12.
Beshkarev G. A. (2013) Pavlodarskiye byli (Zapiski o Pavlodare) [Pavlodar true stories (Notes on Pavlodar)]. In: Pavlodar literaturnyy [Literary Pavlodar]. Comp. by S. F. Nurkenova, L. E. Tokatova. Ed. by N. G. Shafera. Pavlodar, pp. 228–265.
Bayanbaeva Zh. A. (2016) Lokal'nyy tekst i yego funktsii (na primere Alma-Atinskogo lokal'nogo teksta). Vestnik RUDN, seriya: Literaturovedeniye, zhurnalistika [Local text and its functions (on the example of the Alma-Ata local text)]. RUDN Journal Studies of Literature and Journalism, no. 2, pp. 77–84.
Davydov A. N. (1988) Arkhangel'sk: semantika gorodskoy sredy v svete etnografii mezhdunarodnogo morskogo porta [Arkhangelsk: the semantics of the urban environment in the light of the ethnography of the international seaport]. In: Kul'tura russkogo severa [Culture of the Russian North]. Leningrad, pp. 86–99.
Detkova N. Yu. (2009) Malyy provintsial'nyy gorod kak tekst kul'tury [Small provincial town as a text of culture]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Chelyabinsk State University, no. 18, pp. 63–69.
Lotman Yu. M. (2000) Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskusstvo–SPb. Publ., 704 p.
Moteyunayte I. V. (2012) Pskov i drugiye: mini-tsikl A. N. Yakhontova «Nashi goroda» [Pskov and others: A. N. Yakhontov’s mini-cycle “Our Cities”]. Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnyye nauki – Bulletin of the Pskov State University. Ser. Social Sciences and Humanities, no. 1, pp. 27–35.
Mednis N. E. (2003) Sverkhteksty v russkoy literature [Supertexts in Russian literature]. Novosibirsk, NSPU Publ., 170 p.
Mil A. V. (2011) Lyudi i sud'by. Vospominaniya [People and destinies. Memories]. Yevreyskaya starina – Jewish antiquity, no. 4. URL: https://berkovich-zametki.com/2011/Starina/Nomer4/Mil1.php#Part%20two
Milyukova E. V. (2000) Chelyabinsk: okno v Aziyu ili kray obratnoy perspektivy. [Chelyabinsk: a window to Asia or the edge of a reverse perspective]. In.: Russkaya provintsiya: mif - tekst - real'nost' [Russian province: myth - text – reality]. Moscow, St. Petersburg, pp. 347–361.

Osipova N. V. Vyatskiy provintsial'nyy tekst v kul'turnom kontekste [Vyatka provincial text in a cultural context]. Available at: http://www.studnauka.narod.ru/nvo.html
Prikhodchenko I. O. (2017) G. A. Beshkarev: "beloye pyatno" v istorii russkoy literatury Pavlodarskogo Priirtysh'ya [G. A. Beshkarev: "white spot" in the history of Russian literature of the Pavlodar Irtysh region]. Kniga. Vremya. Obshchestvo. Materialy V mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Book. Time. Society. Materials of the V international scientific-practical conference]. Pavlodar, Pavlodar State Pedagogical Institute, pp. 124–129.
Razumova I. A. (2000) ["...How close to Petersburg, but how far away" (Petrozavodsk in literary and oral texts of the 19th-20th centuries)]. In.: Russkaya provintsiya: mif - tekst - real'nost' [Russian province: myth - text – reality]. Moscow, St. Petersburg, pp. 324–334
Toporov V. N. Peterburgskiye teksty i Peterburgskiye mify [Petersburg texts and Petersburg myths]. In: Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the field of mythopoetic]. Moscow, 1995, p. 227
Shutaya N. K. (2015) K voprosu ob oppozitsii stolitsy i provintsii v topologicheskoy sisteme russkogo romana [On the question of the opposition of the capital and the province in the topological system of the Russian novel]. World of Science. Pedagogy and psychology, no. 1. URL: http://mir-nauki.com/PDF/22FILMN115.pdf

Информация об авторе

Приходченко Илья Олегович

Преподаватель спецдисциплин, магистр гуманитарных наук. Высший колледж им. Мусахана Канапьянова НАО «Павлодарский педагогический университет» (140000, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Мира, 60/2). Аспирант. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (644077, РФ, г. Омск, пр. Мира, 55а). ORCID iD https://orcid.org/0000-0003-1800-8812. E-mail: pisosenko@mail.ru

Author`s information

Ilya O. Prikhodchenko

Teacher of special disciplines, Master of Humanities. Musakhan Kanapyanov Higher College of the Pavlodar Pedagogical University (60/2 Mira St., Pavlodar, 140000, Republic of Kazakhstan). Postgraduate student.

Dostoevsky Omsk State University (55a Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation). ORCID iD https://orcid.org/0000-0003-1800-8812. E-mail: pisosenko@mail.ru